

А. В. Филинов

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина
Москва, Россия

ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ НА ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (СЕНТЯБРЬ 1931 – МАРТ 1935)

Аннотация. В статье анализируются взгляды представителей органов ВКП(б) и государственной власти СССР на социально-экономические проблемы Дальневосточного края, которые приобрели особое военно-политическое значение вследствие захвата Японией Маньчжурии и продвижения Квантунской армии в направлении советских границ.

Ключевые слова: Маньчжурский кризис, советский Дальний Восток, социально-экономическое развитие, органы государственной власти, органы ВКП(б), трудовая миграция, красноармейское переселение, коммунально-жилищное строительство, иностранные концессии

Abstract. The article analyzes the views of representatives of the VKP(b) bodies and the government of the USSR on the socio-economic problems of the Far Eastern Territory, which have acquired special military and political significance due to the capture of Manchuria by Japan and the advance of the Kwantung Army towards the Soviet borders.

Keywords: Manchurian crisis, Soviet Far East, socio-economic development, state authorities, bodies of the VKP(b), labor migration, Red Army resettlement, public housing construction, foreign concessions

Маньчжурский кризис представлял собой внешнеполитическую ситуацию, складывавшуюся с сентября 1931 г., когда японские войска начали захват Северо-Восточного Китая, постепенно продвигаясь в сторону границ СССР. Ситуация в рамках кризиса не была статичной и в разные его периоды вызывала ту или иную реакцию руководства Советского Союза – И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. И. Микояна и др. Эта реакция проявлялась в том числе в мероприятиях социально-экономического характера, предпринимавшихся, в первую очередь на территории советского Дальнего Востока. Данные мероприятия позволяли выявить те или иные имевшиеся проблемы в развитии региона, относительно которых ответственные работники как центральных, так и местных партийных и государственных органов высказывали своё мнение в различных докладных записках, телеграммах и пр., направлявшихся ими вышестоящим представителям номенклатуры.

Среди направлений социально-экономического развития Дальневосточного края (ДВК), недостаткам в развитии которых были посвящены сообщения в вышестоящие

инстанции представителей партийных и государственных органов, можно выделить следующие: организация промышленного и сельскохозяйственного переселения, в том числе красноармейского, жилищно-коммунальное строительство, деятельность иностранных (японских) концессий.

Высокие темпы роста промышленного производства в начале 1930-х гг. создали острый дефицит трудовых ресурсов во всех сферах экономики ДВК. Лишь на одном Северном Сахалине на начало 1931 г. плановая потребность в рабочих руках составляла 19,5 тыс. чел., а уже в 1932 г. нехватка трудовых ресурсов на всём Дальнем Востоке составляла 75 тыс. чел. [1, с. 73] Подобный дисбаланс отчасти объясняется содержанием справки (исходя из текста, составленной после 21 января 1932 г.) и предназначенной, судя по всему, руководству СНК и СТО СССР. Согласно документу, к началу года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило только красноармейское строительство и переселение в Дальневосточный край и то лишь в размере 19 тыс. семей [2, л. 31].

Эта ситуация явно вызывала беспокойство, в частности, среди представителей местных органов государственной власти. Так, в конце 1931 – начале 1932 г. председатель Дальневосточного крайисполкома А. И. Буценко в своём сообщении поставил перед главой СНК В. М. Молотовым вопрос об урегулировании вопросов переселения на Дальний Восток. Буценко был обеспокоен тем, что «если сейчас достигнута ясность в отношении переселения демобилизованных красноармейцев, то в отношении промышленного и промыслового переселения до настоящего времени этой ясности нет: до сего времени не определён контингент переселенцев, источники финансирования, порядок вербовки и, несмотря на то, что сроки уже проходят – подготовительные мероприятия к организации и обслуживанию промышленных и промысловых переселенцев ещё не разработаны» [3, л. 1].

Как отмечали некоторые исследователи, как до, так и особенно после начала маньчжурского кризиса, Москва пыталась сделать Дальневосточный регион более самодостаточным в экономическом плане [4, р. 83]. При этом местное руководство ещё в конце 1931 – начале 1932 гг. сигнализировало центру об имеющихся трудностях не только в связи с проведением миграционной политики. Вышеупомянутый А. И. Буценко писал В. М. Молотову, что «...Контрольные цифры народного хозяйства и культуры ДВК на 1932 г. в таком виде, в каком они сейчас составлены, не дают решительных сдвигов в сторону реализации неоднократных постановлений Правительства о ДВК». В связи с этим «...Далькрайком просит Вас о пересмотре контрольных цифр по ДВК на 1932 год под углом более внимательного рассмотрения основных требований ДВК...» [3, л. 3]. Это, очевидно, было связано с тем, что первый и второй пятилетние планы предусматривали для Дальнего Востока, помимо всего прочего, развитие сельского хозяйства на основе коллективизации и хозяйственное освоение новых территорий.

Например, в ноябре 1931 г. Наркомат земледелия СССР выделил красноармейским колхозам 23 млн 589 тыс. руб., из них безвозвратных ссуд 8 млн 501 тыс. руб. [5, с. 107] Однако этого было явно недостаточно. Судя по телеграмме в СНК и Представительство Далькрайисполкома в Москве от председателя ДКИК А. И. Буценко от января 1932 г. для нормальной работы Дальсельстроя в текущем году красноармейское строительство нуждалось в выделении ещё 13 млн руб. оборотных средств и принятии на промышленное снабжение 23 612 чел. [2, л. 34] Всего же, по некоторым данным, для Особого Колхозного корпуса было ассигновано 79 млн 892 тыс. руб. [6, с. 112] Кроме того, необходимо было не менее 320 высококвалифицированных специалистов (инженеров, бухгалтеров) и 5 000 рабочих, для которых требовалось выделить 5 000 пайков по списку № 1 [2, л. 33]. Однако заместитель наркома снабжения СССР П. Я. Волков в феврале 1932 г. сообщил в СТО В. В. Куйбышеву, что «Наркомснаб, не имея возмож-

ности произвести дополнительное выделение фондов по сп[иску] № 1, ввиду отсутствия резервов продовольствия, это ходатайство отклонил» [2, л. 41].

Как уже указывалось ранее некоторыми исследователями, на социально-экономическую политику советского руководства в Дальневосточном крае, в том числе в период маньчжурского кризиса оказывали влияние несколько факторов. Это и климатические условия, и то обстоятельство, что Дальний Восток был наиболее удалённым от густозаселённых районов страны краем, а также приоритет политико-идеологических установок и военно-мобилизационных усилий советского руководства [7, с. 40–41]. Примерно то же видение причин, в том числе социально-бытовых неудобств, характерных для жизни в Дальневосточном крае, сложилось и у представителя «Главрыбы» Ф. И. Андрианова. Он побывал во Владивостоке летом 1932 г. (датировка по содержанию и записке управляющего секретариатом Наркомснаба С. А. Латышева от 7 августа 1932 г.) и изложил своё видение ситуации в письме к наркому снабжения А. И. Микояну. Судя по тексту, становится ясно, что большинство проблем являлось прямым следствием интенсивной военизации ДВК. Например, недостаток продуктов, в частности, овощей, которые «Военвед весной забрал себе», повлёк за собой распространение на рыбных промыслах такого заболевания как цинга. Это в свою очередь, вынуждало закупать овощи у «вероятного противника» – Японии, причём за счёт валютных средств, выделенных на вербовку японской же рабочей силы [8, л. 14].

Недостаток иностранной рабочей силы трудно было восполнить за счёт собственных трудовых резервов, поскольку нехватка продуктов, особенно хлеба, в свою очередь, вела к «волынкам» (невыходам на работу) и значительному росту цен на товары и услуги. При этом местные власти зачастую были не способны решить возникающие трудности с продуктами за счёт местных запасов (например, заменить недостающие животные жиры имевшимися в наличии соевыми бобами и рыбными жирами), а также транспортные проблемы (затягивание на месяцы погрузок пароходов, 1,5–2-часовые очереди на вокзалах к поездам дальнего следования) [8, л. 14, 15]. Причину этого Андрианов видел в частности в том, что руководство «не было подготовлено к военным требованиям». Хотя при этом ответственный работник «Главрыбы» и соглашался, что всё-таки «люди...загружены», а кроме того, несмотря на рост Владивостока за последние 5 лет (то есть с 1927 по 1932 г.) «коммунальный и жилищный фонд остался тот же самый». Это приводило к ситуации, когда даже в лучшей гостинице города, в которой проживал представитель Наркомснаба, не было воды, а электричество горело с большими перебоями [8, л. 15, 15об].

Эти наблюдения очевидца подтверждаются исследованиями, согласно которым в 1930-е гг. рост населения в городах Дальнего Востока заметно опережал темпы строительства. В результате этого жилищная проблема не только не получила решения, но и действительно приобрела устойчивый характер одной из самых острых социальных проблем [9, с. 109], наряду с материально-бытовыми трудностями, а также иногда и с полным безразличием со стороны некоторых представителей местных органов власти, с которым сталкивались на новом месте как молодые переселенцы, как и демобилизованные воины [7, с. 41]. Особенно заинтересованные представители местного руководства ДВК пытались исправить создавшееся положение хотя бы относительно промышленности и оборонного строительства, при этом борясь именно с причинами отрицательных явлений. В частности, для этого заместитель заведующего Дальневосточным районным отделом труда Зварковский и начальник 1-го сектора Ашихмин в январе 1933 г. обратились в спецуправление Наркомата труда РСФСР с предложениями: «не допускать вербовки рабочих в центре для направления в ДВК на срок менее 12 месяцев ... решительно ударять по таким явлениям, когда вербовщики сулят рабочим несбыточные блага ... особенное внимание ... уделить организации в эшелонах

денежного и натурального довольствия и медпомощи, а также организации ... продовольственных баз» [10, л. 1].

Вышеописанные трудности по линии, в том числе жилищного строительства отнюдь не были секретом для советских руководителей разных уровней власти. Этот вопрос, очевидно, неоднократно обсуждался на различных совещаниях, что подтверждается и архивными материалами. Например, стенограммой встречи ответственных работников финансовых ведомств союзного и республиканского уровней, проходившей 11 мая 1934 г. у заместителя наркома финансов СССР Р. Я. Левина. Совещание было собрано по итогам поездки тоже замнаркома финансов (но уже РСФСР, с 1934 г. также председателя Госплана РСФСР) С. Б. Карпа на Дальний Восток. Его выступление, что закономерно, занимает главное место в стенограмме собрания. С точки зрения Сергея Бенедиктовича, нормальному ходу строительства в ДВК мешало множество проблемных моментов, среди которых он выделил в том числе «варварские условия по линии культурно-бытового обслуживания рабочих и всех, кто приезжает (а значит, военных и инженеров)» [11, л. 3].

Но если не пользоваться только похожими на лозунги определениями, из выступления Карпа можно легко понять, что его, как финансового работника, волновало, прежде всего, безответственное отношение советских чиновников, руководивших стройками, к распределению выделяемых денежных средств. Причём данная проблема, судя по тексту стенограммы, имела два аспекта. Первый – неиспользование выделявшихся огромных сумм: «Несмотря на то, что в 32 г. было отпущено на эти цели (строительство) 30 млн руб. для Хабаровска и Владивостока, фактически эти средства не использовались; в 33 г. ... не использовано 52 млн руб. на коммунально-жилищное строительство ... даже имеется такой факт – отпущено 3.300.000 тыс. руб. на ремонт, там всё разваливается, так на ремонт этих средств использовано только 9.5 %...». Из этого, как считал замнарком, в немалой степени проистекала хроническая проблема текучести рабочей силы, «народ уезжает, потому что очень трудные условия», что опять же волновало С. Б. Карпа и как финансиста, ведь «каждый человек (т. е. расходы на 1 работника во время завоза рабочей силы) стоит от 1–3 тыс. руб.».

Вторым аспектом было наоборот, нерациональное расходование выделенных средств: «Я видел некоторые стройки, начатые в 30 г., – они только сейчас закончены. Строится дом специалистов... – по готовности имеется 10 %, а затраты – 85 %. Во Владивостоке имеется ничтожный % готовности и почти исчерпана годовая смета». Кроме того, по понятным причинам, Сергея Бенедиктовича в первую очередь волновало «особое возмутительное» положение с исполкомовским оборонным строительством. Несколько смягчало его беспокойство лишь то, что «это проходит не по банку» (вероятно, имелся в виду Промбанк СССР, который финансировал капитальное строительство промышленности, транспорта и связи) [11, л. 3, 3об].

Ещё один аспект, которому уделяли внимание в своих сообщениях представители местных, на этот раз партийных органов, это вопрос деятельности иностранных концессий, в частности, в рыбном хозяйстве. Некоторые критические замечания насчёт линии поведения советского руководства в отношении концессий и предложения по поводу её исправления, были изложены в докладной записке от 1934 г. инструкторов Дальневосточного крайкома ВКП(б) К. Русского и Д. Кесслера третьему секретарю крайкома В. А. Верному. Инструкторы крайкома отмечали, что относительно скорое истечение срока советско-японской рыболовной конвенции (в 1936 г.) и времени работы 28 концессионных заводов (в 1938 г.) приводило к тому, что японские рыбопромышленники, Министерство земледелия и лесов (которое ведало, в том числе и вопросами рыболовства), МИД активно готовились к пересмотру упомянутой конвенции «в свою пользу». Укрепляло позиции японцев также бездействие Дальрыбы, которая

не только не организовывала «активного лова», ограничиваясь «береговым» с использованием ставных (стационарных) неводов, но и далеко не полностью использовала принадлежавшие ей рыболовные участки (из 200 эксплуатировались лишь примерно 160).

Японские же концессионеры, напротив, времени зря не теряли, «форсировали и крупно развили активный моторный лов, в количестве до 300 “самыходов” с 17 плавучими консервными заводами». Ловили в основном красную рыбу (лосося) и горбушу, которую тут же на месте обрабатывали, превращая в консервы, увозившиеся на экспорт в Англию. Видимо, предчувствуя негативную реакцию советской стороны, всё это масштабное предприятие охранялось «несколькими миноносцами и вооружёнными шхунами Морвоенвезда и Минземлеса». Действия японских конкурентов К. Русский и Д. Кесслер рассматривали как «хищничество», которое «происходит безнаказанно, ибо производится формально за 3-мильной зоной». Хотя, надо полагать, гораздо больше партийных функционеров возмущало то, что в отличие от советских рыболовных предприятий, у японцев «лов является рентабельным, а стоимость продукции дешёва, ибо никакой аренды, крупных затрат на ставники, жилища для рабочих и т. д. не производится» [12, с. 363].

Однако Д. Кесслер и К. Русский не только выражали искреннее недоумение по поводу пассивности «Дальрыбы», которая, казалось бы, имела «все преимущества в организации подобного вида активного лова, имея наш советский берег, с оборудованными промыслами и заводами», но и предлагали свои варианты улучшения ситуации. По их мнению, следовало использовать уже имеющиеся технические возможности советских рыболовных предприятий как для «активного лова» (с помощью так называемых кавасак, то есть рыболовных судов японского производства), так и для сохранения продукции («плавучие морозилки и рефрижераторы как дающие наиболее ценный экспортный продукт»). Также инструкторы крайкома в своей записке намечали конкретные районы и места для организации активного лова, а также определяли породы рыбы, на лове которых следовало сосредоточить внимание с учётом перспективы и действий японцев, которые если и не ловили, например, кету, то лишь «по причине временной нерентабельности экспорта кетовых консервов». Кроме того, как и прежде, в 1933 г. одним из способов нормализации положения с рыболовством докладчикам виделась организация промышленного переселения настоящих «ловецких кадров» (например, завоз астраханских, черноморских, азовских рыбаков), а не «стариков и парикмахеров», но и привлечение «туземной молодёжи и населения Камчатки». В целом же, по мнению К. Русского и Д. Кесслера, следовало «вне зависимости от исхода переговоров по Конвенции...немедленно обязать готовиться к активному лову на 1935 г. и др(угие) тресты, что явится мощным орудием в борьбе с японским хищничеством в наших водах» [12, с. 364].

Подводя итоги, следует отметить, что особенно после начала маньчжурского кризиса и постепенного осложнения отношений с Японией, с точки зрения советской руководящей элиты, полагаться в развитии экономики Дальневосточного края на вероятного противника не представлялось возможным. В связи с этим, особенно актуальной становилась необходимость срочного решения проблемы нехватки рабочей силы с помощью организации сельскохозяйственного и промышленного переселения. На недостатки подготовки переселения на Дальний Восток неоднократно обращали внимание центра местные руководители, отмечая такие упущения как отсутствие плана переселения, выделения финансирования, определения сроков миграции. Нельзя исключать, что описанное в статье положение с жилищно-коммунальным строительством больше заботило советских руководителей в смысле того влияния, которое оно оказывало, например, на приток рабочей силы, необходимой в первую очередь для выполнения

программ стратегического оборонного строительства, подобного упомянутому «исполкомовскому». Внешнеполитическими соображениями руководствовались и местные советские руководители в ДВК, когда выдвигали конкретные предложения по нормализации ситуации, например, в рыболовной отрасли, с учётом приближавшихся сроков пересмотра рыболовной конвенции с Японией.

Список источников

1. Билим Н. А. Роль социальных перемещений в формировании колхозного крестьянства на советском Дальнем Востоке в 1926–1939 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма : межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск, 1984. С. 66–80.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2418.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2419.
4. Haslam J. Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of the depression. London, 1983. 172 p.
5. Чаусов П. Х. Из истории участия Красной Армии в подготовке кадров для советской деревни и коллективизации на Дальнем Востоке (1927– 1931 гг.) // Из истории борьбы за власть Советов и социалистическое строительство на Дальнем Востоке : сб. статей. Хабаровск, 1965. С. 89–109.
6. Янгузов З. Ш. Особая Краснознамённая Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). Благовещенск, 1970. 240 с.
7. Исаев А. А. Миграционные процессы на Дальнем Востоке СССР в 1930-е – первой половине 1940-х годов. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 39–45.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8043. Оп. 1. Д. 306.
9. Власов С. А. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и послесталинскую эпохи // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи : сб. науч. статей. Владивосток, 2014. С. 108–114.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А390. Оп. 16. Д. 88.
11. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 12. Д. 36.
12. Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930 гг.) : документы и материалы. Т. 1 / Росархив, ГА РФ, РГАЭ; под ред. М. М. Загорюлько, А. Х. Абашидзе; отв. сост. А. П. Вихрян. М., 2003. 391 с.